

ОБРАЗ ГОРОДА В ЛИРИКЕ В. ЯГАНОВА

Для Виктора Яганова и его лирического героя город является «малой родиной», с которой связаны самые дорогие сердцу воспоминания. Можно вспоминать умом, можно вспоминать чувством. Существует память сердца. Это именно она рождает строки многих стихотворений поэта. В них выражено настроение лирического героя, взрослого человека, который, затаив дыхание, всматривается в волшебное зеркало прошлого.

Романтикой маленького провинциального городка пронизаны многие стихотворения сборника В.А. Яганова «Тепло» (1992). Она растворена в образе родного дома, улицы детства, в зелени дворов. С любовью пишет поэт о доме своего деда:

Дом моего деда:
Ставеньки, сени, крыльцо.

В создании образа дома он следует славянской культурной традиции, в которой дом символизирует обжитое, упорядоченное пространство. А сад «в белом цвету ранет», окружающий дом, воплощает в себе архетипический образ счастливой жизни, исполненной мира и согласия:

Словно взбитые сливки,
В белом цвету ранет.
Воду ношу для поливки –
Мною доволен дед.
Жаркая нынче суббота,
Рот обжигает квас.
Банька в конце огорода
Ждет не дождется нас.

(«Дом моего деда»)

С образом деревянного дома связан образ «улицы детства»:

Улица детства,
Я снова с тобой.
(«Дом у границы»)

Улица – это «мир, манящий за собой», он открывается «за порогом, за калиткой».

Пространственный образ улицы связан с открытым миром детской души, исполненной радости познания жизни. Ощущения детства необыкновенно четки и свежи:

Сколько тайны в теплой луже,
Как душист березы сок!
В кулаке обед и ужин –
Хлеба черствого кусок.
(«Никуда от вас не деться...»)

У взрослого человека рождается новое видение улицы. В стихотворении «Имена» поэт с любовью рисует образ «тихой улицы» с «крышами-панамками», «в зелени вязкой белый домик», ветлу у ворот. Лирический герой делает для себя удивительное открытие на столь родной и знакомой до боли улице:

Взяв как будто над памятью шефство,
Сообщают мне бланки домов:
Здесь живет Николай Чернышевский,
В этом – скромном – живет Пугачев.
Чтоб они, кем Россия гордится,
Были ближе во все времена,
Их потомки и однофамильцы
Детям те же дают имена.

Искусство поэта проявляется в выборе детали – номерного бланка. Он как страница истории, как мемориальная доска, как

связующая нить времен. С помощью этой детали пространственный образ расширяется до пределов России, раздвигает границы времени, объединяет личные и общественные мотивы, любовь к «малой» и «большой» родине:

Я того же – славянского – племени,
Прохожу – моя поступь легка –
Тихой улицей, словно во времени,
Проплывают кварталы-века.

В стихотворении «Дом у границы» образ дома создается с помощью повторяющегося эпитета «тихий»: «Тихий наш дом...» Слово «тихий» в стихотворении актуализирует такие важные для русской языковой картины мира смыслы, как «покой», «согласие», «лад». Эту картину дополняют детали: «под окошком укроп», «тополя у ворот», но некую тревожность вносит в этот мир образ границы у ДОТа:

В ста метрах от нашего
Тихого дома –
Вдавленный в землю,
.....
Череп ДОТа.

Образ ДОТа дается в восприятии лирического героя, подростка. Окоп напоминает мальчику сказочного дракона с «белым, обглоданным черепом», «глазницами сырими», «огнедышащей головой», направленной на врагов мирного дома. В мифологии образ дракона, первого змея, приравнивается к могучим силам хаоса, противостоящим порядку жизни, гармонии. В стихотворении В. Яганова этот образ воплощает в себе идею защиты дома как микромоделю мира во всем ее многообразии и сложности:

Тихий наш дом,
Тополя у ворот,

Сени – в Россию,
Окно – на границу.
Был головой огнедышащий
ДОТ,
Дом защитивший
Как ока зеницу.

В трудные годы войны люди смогли защитить, отстоять свой Дом. Но со временем в городском пространстве деревянный дом становится символом прошлого. На смену дереву приходят железо, бетон. Поэт замечает:

Спор о вечности молча ведут
С древней кладкой стекло и бетон.
(«Города»)

По-разному уходят из жизни города деревянные дома, унося с собой «огонь родного пепелища»:

Недавно здесь, начав с крыльца,
Сносил дома битюг-бульдозер...
(«Фронтвик»)

Образ разрушенного дома в сердце его хозяина отдается невыносимой болью и напоминает страшные картины войны:

Тяжелых гусениц следы,
Подполий рухнувших воронки...

Рядом стоят в белом цвету яблони, символ красоты и обновления жизни. Для хозяина дома они еще символ обновления рода:

Проститься к ним седой старик.
Пришел, сверкая орденами.
Их называл, прильнув на миг,
В слезах мужскими именами.

Битюг-бульдозер скоро и по ним пройдет своими гусеницами, до конца разрушив мир «тихого дома», душевный покой его хозяина.

Как деревня противостоит городу, так и деревянный дом противостоит панельным и кирпичным великанам:

Еще крепкий собою,
С довоенной судьбой,
Дом с кирпичною трубою
Портил вид городской.

(«Дом»)

Слово «крепкий» становится ключевым в описании дома. Его содержание символически выражается через синонимический ряд: «крепкий собою», «добротная калитка» и др. Образ-символ «светлый мой дом» в фольклорном дискурсе славян соотносится с красотой, чистотой. Сочетание слов «светлый» и «портил» по отношению к образу города создают оксюморонный образ. Судьбу дома решает «мудрый ум россиян»:

Поработали вволюшку
Топором да пилой:
Разобрали по бревнышку
Светлый дом городской.

.....

На работу не хлипкие –
Мужики от земли –
Дом с добротной калиткою
На деревню свезли.

(«Дом»)

Слова «вволюшку», «по бревнышку» выражают бережное, любовное отношение людей к дому. Это не битюг-бульдозер, безжалостно разрушающий пространство дома. Дом не гибнет –

он переезжает в село, в нем будет жить молодая семья. Судьба дома сравнивается с судьбой возрождающегося села.

В новом контексте старый дом становится Домом символическим, вбирающим в себя живую память о множестве связанных с ним человеческих судеб, о людях, проживших под его крышею целую жизнь.

В известном смысле Дом предстает перед внутренним зрением поэта как аналог целого мира, вместившего не только богатство семейной истории, но и истории общенародной.

В современном городе главным локусом становится железобетонный великан. Для лирического героя он является «антидомом», символом распада человеческих связей:

Пустеет дом – панельный великан,
Уходим мы, легонько хлопнув дверью.
Квартиры наши внутренним замкам,
Как тайны сокровенные доверив.

Мотив разобщенности людей выражается в таких образах, как дверь, замок, символизирующих отвержение, изоляцию. Дисгармоничность жизни передается в диссонансе третьей строфы, в резком, раздражающем звуке [з]:

А вечером безмолвные замки
Защелкают победно и парадно,
Как будто – безотказны и легки –
Затворы зорких фотоаппаратов.

Но поэт понимает, что этот дом подлинным домом могут сделать люди, и его вера выражается в названии стихотворения – «Наш дом». Лирический герой не бежит от людей, напротив, – ищет единения с ним, не просто общения, а именно единения: ведь тепло человеческих сердец невозможно закрыть на «внутренний замок непонимания»:

И пусть тепло домашних очагов
Нас согревает, не давая трещин,
А под охрану внутренних замков
Сдаем мы не уют, а наши вещи.

Изменяющийся облик города вызывает разные чувства у поэта, но неизменен он в своей любви к городу детства и юности:

Ни машин, ни угара, ни грохота,
Кроны, словно в зеленом инее.
Был мой город тихий и крохотный,
Знал я многих в лицо и по имени.
.....
По бульвару шагаю весеннему,
Мимо пестрыми стайками шумными –
Незнакомое мне поколение –
Земляки мои младшие, юные.
Глядя в очи их карие, синие,
Убеждаюсь и сердцем, и прожитым:
Город мой – тот, в зеленом инее,
Город их – шумный, встревоженный.

(«Воспоминания о старом Благовещенске»)

При чтении стихотворений В.А. Яганова о городе невольно вспоминаются строки стихотворения Н. Рубцова «Тихая моя родина». Как и ему, амурскому поэту дорога «тихая родина» не как символ, не как земля, искусственно противопоставленная большому миру, а как тот малый уголок отчизны, который до слез трогает душу человека, на нем родившегося.